

трактовок отдельных категорий, имеющих концептуальное значение для квалификации состава правонарушения. На методологическом уровне проблемными в лингвокриминалистической деятельности являются нехватка экспертных методик, отсутствие унифицированных подходов к перечню лексикографических источников и методов проведения специального исследования конфликтного текста.

Список использованных источников:

1. Бринев, К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев; под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – 252 с.
2. Кукушкина, О. В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе / О.В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 1 (41). – С 118-126.

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ В РЕЖИМЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ.
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СТ. 189.1 УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Мельник С.Л.,

*заведующий кафедрой организации судебной и прокурорской деятельности
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Цифровая трансформация уголовного судопроизводства является закономерным этапом развития правовой системы в условиях глобальной информатизации. Принятие Федерального закона от 30.12.2021 № 501-ФЗ, дополнившего Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьей 189.1, ознаменовало переход от исключительного использования видеоконференцсвязи (ВКС) в судебных стадиях к её активному внедрению в досудебное производство.

Несмотря на очевидные преимущества дистанционного формата - оптимизацию временных затрат, экономию бюджетных средств и возможность проведения следственных действий с участниками, находящимися в разных регионах, - практика реализации данных норм сталкивается с серьезными вызовами. Наиболее дискуссионным представляется проведение дистанционного предъявления для опознания. Данное следственное действие по своей природе опирается на непосредственность чувственного восприятия и психологические механизмы узнавания, которые в цифровой среде подвергаются существенным искажениям.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между технологическим прогрессом и сохранением фундаментальных процессуальных гарантий достоверности

доказательственной базы и безопасности участников процесса. Целью настоящей статьи является критический анализ правовых лакун ст. 189.1 УПК РФ и выработка предложений по совершенствованию тактики дистанционного опознания.

Введение указанного Федерального закона стало ответом законодателя на требования цифровизации и потребности в оптимизации сроков следствия. Однако, как отмечает Л.А. Воскобитова [1, с. 23], внедрение цифровых технологий в уголовный процесс не должно нарушать фундаментальные гарантии прав участников. Применительно к предъявлению для опознания дистанционный формат создает, на наш взгляд, ряд правовых коллизий.

Первая проблема связана с обеспечением безопасности опознающего. Согласно ч. 8 ст. 193 УПК РФ, опознание может проводиться в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, то есть осуществляться с использованием физического барьера (стекло с односторонней прозрачностью). В то же время ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ императивно требует применения видеозаписи, то есть физическая среда заменяется цифровой. В случае, когда опознающий находится в одном следственном органе, а опознаваемый - в другом, видеопоток с изображением лица и голосом опознающего неизбежно проходит через каналы связи, то есть возможен риск перехвата изображения; отображается на мониторах технического персонала (системных администраторов, специалистов) в обоих ведомствах; сохраняется на материальном носителе как приложение к протоколу.

Как справедливо отмечали Е.П. Гришина [2, с. 111] и ряд других процессуалистов, в такой модели «процессуальная тайна» перестает быть абсолютной. Существует риск «технической деанонимизации», когда подозреваемый или его защитник могут получить доступ к метаданным файла или к записям с камер наблюдения в коридорах того здания, где находится скрытый свидетель.

Кроме того, современное программное обеспечение позволяет восстановить измененный простым эквалайзером голос до оригинала. Если следствие использует примитивные средства искажения, анонимность становится фикцией. Опознаваемый может идентифицировать опознающего не только по лицу, но и по деталям интерьера кабинета, одежде или специфическим жестам, которые попадают в кадр при видеоконференцсвязи.

Проблема обеспечения конфиденциальности при дистанционном опознании усугубляется участием в следственном действии технических специалистов. Как отмечает О.А. Зайцев [3, с. 223], государственная защита участников процесса в условиях цифровой трансформации требует минимизации круга лиц, имеющих доступ к трансляции. Появление в цепочке передачи данных «гражданских» ИТ-специалистов, системных

администраторов или операторов связи, не являющихся субъектами расследования и не несущих процессуальной ответственности за разглашение данных о личности, создает реальную угрозу деанонимизации защищаемых лиц.

Полагаем, целесообразным нормативно закрепить возможность «цифрового маскирования» (изменения голоса и внешности) в режиме реального времени при осуществлении трансляции при предъявлении для опознания и дополнить ст. 189.1 частью 4.1. следующего содержания: «В случае проведения следственных действий, предусмотренных ч. 8 статьи 193 настоящего Кодекса, с использованием систем видеоконференцсвязи, технические средства должны обеспечивать гарантированное изменение внешности и голоса опознающего в режиме реального времени. Видеозапись в данном случае приобщается к материалам уголовного дела исключительно в измененном (замаскированном) виде, а оригинал записи хранится в условиях, исключающих доступ к нему участников со стороны защиты, по правилам хранения данных о личности защищаемого лица (ч. 9 ст. 166 УПК РФ)».

С тактической точки зрения, при проведении дистанционного опознания, «техническому» следователю (по месту нахождения опознающего) необходимо обеспечить нейтральный фон (хромакей или однотонная стена) и отсутствие в кадре предметов, позволяющих локализовать место проведения следственного действия.

Вторая проблема – актический барьер «цифрового искажения». Если опознание по внешности (статике) через видеоконференцсвязь еще можно признать адекватным, то опознание по динамическим признакам (функциональным особенностям) в цифровой среде сталкивается с серьезными преградами.

В традиционной криминалистике (работы Р.С. Белкина) [4, с. 172] функциональные признаки - походка, жестикауляция, мимика, привычные позы - считаются наиболее устойчивыми и трудно поддающимися маскировке. В отличие от элементов внешности, которые можно изменить (грим, пластика), динамический стереотип человека формируется годами и проявляется подсознательно. Автор подчеркивал, что динамические признаки являются наиболее устойчивыми элементами криминалистической характеристики человека, однако их восприятие требует непрерывности и полноты визуального контакта.

Для полноценного восприятия функциональных признаков необходима передача движения в режиме «реального времени» с высокой степенью детализации. На практике могут возникнуть проблемы, связанные с низкой частотой кадров (FPS), это превращает плавное движение (походку) в набор прерывистых статичных образов. При задержках сигнала «выпадают» именно те мелкие нюансы моторики (хромота, специфический разворот стопы, подергивание плеча), по которым свидетель

узнает преступника. При недостаточном канале связи алгоритмы сжатия видео (кодеки) жертвуют детализацией движущихся объектов. В результате вместо четкого жеста опознающий видит размытое «пятно», что делает опознание по мимике или мелкой моторике рук практически невозможным. Стандартные камеры видеоконференцсвязи – систем часто имеют широкоугольные линзы, которые искажают пропорции тела и траекторию движения (эффект «рыбьего глаза»). Это меняет восприятие роста, длины шага и осанки, о чем в своих трудах предупреждали специалисты в области судебной фотографии и видеозаписи. И наконец, в условиях следственных кабинетов камеры часто закреплены статично и под определенным углом (обычно сверху вниз). Для опознания по походке требуется фронтальный и профильный обзор на дистанции не менее 5-7 метров, что технически неосуществимо в большинстве помещений органов внутренних дел, оборудованных видеоконференцсвязью.

Считаем, решить эту проблему можно путем дополнения ч. 4 ст. 189.1 следующим положением: «В протоколе следственного действия в обязательном порядке указываются: наименование программного и аппаратного обеспечения связи, разрешение видеопотока, наличие или отсутствие технических помех, прерываний связи и десинхронизации звука и изображения. В случае заявления участниками жалоб на качество связи, данные жалобы подлежат обязательному занесению в протокол».

Подводя итог проведенному анализу, следует констатировать, что текущая редакция ст. 189.1 УПК РФ носит рамочный характер и не учитывает специфику предъявления для опознания как сложного познавательного процесса. Переход от физического контакта к цифровому опосредованию создает две критические группы рисков: процессуальные (угроза деанонимизации защищаемых лиц) и тактические (искажение функциональных признаков объекта из-за технических артефактов). Поэтому полагаем, что необходимо внести дополнения в ст.189.1, а именно:

часть 4. ст. 189.1 следующим положением: «В протоколе следственного действия в обязательном порядке указываются: наименование программного и аппаратного обеспечения связи, разрешение видеопотока, наличие или отсутствие технических помех, прерываний связи и десинхронизации звука и изображения. В случае заявления участниками жалоб на качество связи, данные жалобы подлежат обязательному занесению в протокол»

частью 4.1. следующего содержания: «В случае проведения следственных действий, предусмотренных ч. 8 статьи 193 настоящего Кодекса, с использованием систем видеоконференцсвязи, технические средства должны обеспечивать гарантированное изменение внешности и голоса опознающего в режиме реального времени. Видеозапись в данном случае приобщается к материалам уголовного дела исключительно в измененном (замаскированном) виде, а оригинал записи хранится в условиях,

исключающих доступ к нему участников со стороны защиты, по правилам хранения данных о личности защищаемого лица (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Цифровизация не должна превращаться в формализацию процесса в ущерб установлению истины. Только при условии жесткой регламентации технических параметров и внедрения дополнительных гарантий безопасности дистанционное опознание сможет стать полноценным и достоверным инструментом современного правосудия.

Список использованных источников:

1. Воскобитова, Л.А. Уголовное судопроизводство: трансформация теоретических представлений и регулирования в условиях цифровизации / Л.А.Воскобитова. – Москва.: Норма, 2022. – 288с.
2. Гришина, Е.П. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: современные реалии и перспективы развития / Е.П. Гришина // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (47). – С. 110-116.
3. Зайцев, О.А. Цифровизация уголовного судопроизводства и государственная защита участников процесса / О.А. Зайцев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 222-227.
4. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. – Москва: Юристъ, 1997. – 480 с.

**ПОНУЖДЕНИЕ К ДЕЙСТВИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Ментюкова М.А.,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент

Чернышов А.Ф.,

студент Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Возрастающая распространённость преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности в информационно-телекоммуникационных сетях, включая интернет и мессенджеры, придаёт особую актуальность вопросам их квалификации, в том числе квалификации понуждения к действиям сексуального характера с использованием цифровых технологий. Согласно данным Генеральной прокуратуры России [1], за последние 14 лет число подобных деяний увеличилось на 44 %, причём более половины случаев связаны с участием лиц, состоящих в той или иной форме знакомства с потерпевшими, в т.ч. виртуального. Высокая степень латентности таких преступлений в онлайн-среде осложняет их выявление и пресечение, что не только наносит непосредственный ущерб жертвам, но и подрывает